

© 2014 г.

В.И. ДАШИЧЕВ

ТЕРНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ИЗ ИСТОРИИ “ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА”)

В 1959 г. после многолетнего перерыва был восстановлен “Военно-исторический журнал”, вошедший в состав Военно-научного управления Генерального штаба. Вплоть до 1968 г. мне довелось быть одним из его сотрудников. Наряду с “Новым миром” он стал рупором “шестидесятников” и был очень популярен в советской военной и гражданской читательской среде. Главным редактором журнала был назначен генерал-лейтенант Н.Г. Павленко. Это был человек кристально чистой души, высокой нравственности, великий правдолюбец и непревзойденный знаток истории Великой Отечественной войны. До этого он более 10 лет служил в Военно-историческом отделе Военно-научного управления Генерального штаба и как никто иной знал документы Ставки Верховного главнокомандования и штабов фронтов. Он обладал еще одним важным для главного редактора качеством – научной смелостью. Под его руководством коллектив редакции сполна использовал “хрущевскую оттепель”, чтобы восстановить правду о Гражданской и Великой Отечественной войне, устранить сталинские искажения истории, в сотнях статей посмертно извлечь из небытия и отдать дань уважения невинным жертвам сталинского террора – крупным советским военачальникам и государственным деятелям, всем тем, кто попал под жернова сталинских “чисток”. Это была увлекательная, благодарная работа, окрашенная сильными положительными эмоциями.

В центре внимания журнала, конечно, находилось исследование истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Страницы журнала были предоставлены в первую очередь воспоминаниям и статьям выдающихся советских полководцев, военачальников и государственных деятелей – организаторов нашей победы. Были сохранены для потомков их личные оценки как войны в целом, так и отдельных её операций и кампаний, вопросов экономического и военно-технического обеспечения армии, работы тыла. Большой вклад в это дело внесли советские историки. С момента воссоздания журнала в 1959 г. и вплоть до окончания “оттепели” в 1964 г. перед ними была открыта возможность максимально объективно, без политической предвзятости и давления подчас невежественных аппаратных деятелей подойти к исследованию минувшей войны. А это требовало критической оценки не только действий и решений на всех уровнях военного руководства, но и выступления против многочисленных отступлений от правды, “невзирая на лица”.

Вот пример. Редакция взяла на себя смелость покритиковать маршала А.И. Еременко. Во время битвы под Москвой он командовал Брянским фронтом, прикрывавшим столицу с юго-запада. В своей книге “На Западном направлении” он изобразил себя чуть ли не спасителем Москвы на том основании, что его войска якобы нанесли

Дашичев Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра внешней политики России Института экономики РАН.

такой удар по 2-й танковой армии Гудериана, что она вынуждена была откатиться далеко на юг. На самом деле, по плану германского генштаба сухопутных сил эта армия не предназначалась для участия в Московской битве, а должна была повернуть от Москвы на юг и влиться в состав немецкой группы армий “Юг”, осуществлявшей разгром советских войск в Украине. Оборонительная Орловско-Брянская операция, которой руководил А.И. Еременко, закончилась неудачей. Значительная часть Брянского фронта попала в окружение. Обо всем этом было сказано в рецензии на книгу маршала, не умаляя в целом его заслуг в нашей победе.

В начале 1966 г. в распоряжении редакции оказался очень интересный документ – распоряжение главнокомандующего сухопутных войск вермахта генерал-полковника В. фон Браухича от 18 декабря 1938 г. о воспитании немецких офицеров. В этом распоряжении, в частности, говорилось: “Адольф Гитлер, гениальный вождь, который соединил учение о фронтовой борьбе с мировоззрением национал-социализма, создал нам новую Великую Германскую империю и обеспечил ее безопасность. Только тот, кто сможет постигнуть день вчерашний, сегодняшний и завтрашний в его величии, сумеет осознать важность исторического деяния этого человека. Произошли просто гигантские изменения во всех областях. В Третьей империи вырос новый немецкий человек, наполненный новыми идеями по сравнению с предшествовавшими поколениями. Создана новая уникальная народная общность, стершая границы классов и сословий, к которой принадлежим мы все – народ, вооруженные силы и партия. Непоколесима наша верность, крепка наша вера в этого человека, который создал все это, который сотворил это чудо своей верой и своей волей... Офицерский корпус не должен позволить кому-либо усомниться в чистоте и величии национал-социалистического мировоззрения. Он является тем знаменосцем, который остается непоколебимым даже тогда, когда все остальное ушло в прошлое. Само собой разумеется, что офицер в любой ситуации действует в соответствии с принципами Третьей империи”¹.

Поразительно, насколько содержание данного распоряжения было похоже на повседневную советскую практику воспитания народа в духе “культа личности”. Главный редактор Н.Г. Павленко и члены редакции были готовы опубликовать этот документ. Они подписали набранную верстку статьи. Но куратор журнала в Главном политическом управлении Советской Армии генерал-полковник А.Г. Рытов наложил вето на публикацию. Он усмотрел в циркуляре Браухича сходство с определенными чертами советской действительности. В конце 1960-х годов, после того как был снят со своего поста Н.С. Хрущев, в стране наступила брежневская эра неосталинизма. Канал критики “культа личности” был перекрыт. Главный идеолог партии М.А. Суслов распорядился прекратить публикации, раскрывающие особенности тоталитарной власти Германии, чтобы у читателей, как указывалось, не возникали “неконтролируемые ассоциации”. Но он не учитывал, что если между диктаторской властью Гитлера и Сталина существовало определенное сходство, то в характере социально-экономической системы, в принципах и целях внутренней и внешней политики нацистской Германии и Советского Союза существовали коренные различия. А это было главное. Но “культ личности” бросал мрачную тень на социалистический строй. И с ним надо было бороться как с явлением, чуждым социализму.

А вот другой, весьма интересный эпизод из жизни журнала, связанный с историей падения нацистской Третьей империи. На протяжении многих лет после войны, вплоть до наших дней, довольно широкое распространение получили мифы о том, будто Гитлеру удалось спастись от возмездия, сбежать из Германии на подводной лодке и укрыться где-то в Южной Америке. Чтобы дезавуировать эти мифы, журнал опубликовал две моих статьи: “Последние недели фашистской Германии” (Военно-исторический журнал, 1960, № 6) и “На обломках Третьей империи” (Военно-исто-

¹ Zeitschrift für Militärgeschichte, 1965, № 4, S. 459. См. также: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма, т. 1. М., 1973, с. 148.

рический журнал, 1961, № 5). Но все же в них не доставало убедительных фактов и аргументов, чтобы навсегда положить конец легенде о бегстве Гитлера.

В 20-ю годовщину победы над фашистской Германией в редакции возникла идея снова вернуться к этому вопросу и опубликовать интервью с бывшим председателем Комитета госбезопасности, впоследствии ставшим начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба генералом армии И.А. Серовым. В конце войны он являлся уполномоченным НКВД по 1-му Белорусскому фронту, которым командовал Г.К. Жуков, и, конечно, был посвящен во все тайнства взятия имперской канцелярии фашистской Германии, где находился бункер Гитлера. Редакция журнала знала, что в 1963 г. Серов был снят с должности начальника ГРУ в связи с делом сотрудника этого управления полковника О.В. Пеньковского, подкупленного американской разведкой и нанесшего большой ущерб национальным интересам Советского Союза. Не ведая об этом, Серов сделал Пеньковского своим фаворитом. Он был даже вхож в его семью. После его разоблачения Серов был не только снят с должности начальника ГРУ, но и понижен в звании до генерал-майора и назначен заместителем командующего войсками Приволжского военного округа по военным учебным заведениям. Но для редакции журнала было важно получить от него подлинную картину того, что произошло при падении Берлина и захвате ставки Гитлера. Серов, как никто другой, мог рассказать о многом неизвестном. Взять интервью у него было поручено мне. Серов согласился дать его, и я отправился, насколько мне помнится, в начале 1965 г. на встречу с ним в город Куйбышев (ныне Саратов). И вот что он рассказал мне.

В конце войны Сталин лично дал ему задание захватить живыми или мертвыми фашистских главарей в Берлине. Для проведения этой операции был создан спецотряд захвата в составе 200 человек. 31 апреля бойцы отряда подошли вплотную к имперской канцелярии, где находилась ставка Гитлера, и в ночь на 2 мая, когда гарнизон Берлина капитулировал, первыми проникли в нее. Во дворе ставки в воронке от разорвавшейся бомбы или снаряда они обнаружили два обгоревших трупа мужчины и женщины. Это были Гитлер и его жена Ева Браун, с которой он обвенчался перед смертью, 30 апреля. То, что это были действительно они, подтвердили захваченные в плен личный адъютант Гитлера – штурмбанфюрер СС Отто Гюнше и личный камердинер “фюрера” Гейнц Линге. Гюнше вместе с личным шофером Гитлера Эрихом Кемпке сожгли оба трупа, поливая их бензином из автомобильных канистр. Неподалеку были обнаружены и обожженные трупы Геббельса и его жены. Трупы шести их детей, отравленных с невероятной жестокостью матерью цианистым калием, лежали в бункере. Во дворе имперской канцелярии нашли и мертвого двойника Гитлера с простреленной головой. Фотография его трупа была позже широко растиражирована в печати. Идентификация трупа Гитлера была подтверждена и на основе его медицинской книжки, захваченной в бункере. В ней имелась запись личного протезиста Гитлера и изображение его челюсти. Оно полностью совпало с челюстью на трупе, обнаруженном в саду имперской канцелярии. Не вызывало никаких сомнений, что это был труп “фюрера” Третьей империи.

По словам Серова, останки Гитлера были вскоре по указанию Москвы тайно захоронены во дворе штаба одной советской армии, дислоцированной во Франкфурте-на-Одере. В его могилу был врыт стол, и советские солдаты играли на нем в шахматы и домино, не зная, что под их ногами лежит мертвый главарь Третьей империи. Во время Потсдамской конференции Серов поинтересовался у Сталина и Молотова, не хотели бы они взглянуть на труп Гитлера. Но Сталин, по его словам, отказался.

Таковы вкратце сведения о жалком конце Гитлера, почерпнутые мною из разговора с генералом Серовым. Нет никаких оснований не доверять им. За их достоверность Серов отвечал головой перед Сталиным.

Плененному Гюнше, как рассказал Серов, было приказано подготовить что-то вроде отчета или воспоминаний о жизни в ставке Гитлера. Он работал над этими воспоминаниями много месяцев, находясь на Лубянке в здании КГБ, и в результате создал труд размером около 1000 страниц. В нем была воссоздана и картина смерти Гитлера. Серов сказал, что только членам Политбюро было разрешено ознакомиться с этими

“секретными” воспоминаниями, и советские руководители весьма охотно читали их. Для них был специально подготовлен их сокращенный вариант перевода. Самого Гюнше отпустили домой, и он жил до своей смерти поблизости от Бонна. Кстати, и личный шофер Гитлера Кемпке опубликовал в ФРГ свою книгу “Я сжег Гитлера”.

Свидетельства Серова нашли впоследствии подтверждение и в воспоминаниях Гертруды Юнге, являвшейся с 1942 г. по апрель 1945 г. личной секретаршей Гитлера. Как и Гюнше, она попала в советский плен и вскоре была отпущена в ФРГ. В 1947 г. она закончила свои мемуары “До последнего часа. Секретарша Гитлера рассказывает о своей жизни”, но долгое время не решалась опубликовать их. Лишь в 2003 г. они увидели свет. Вот как она описывает со слов Гюнше конец в гитлеровской ставке: “Мы еще раз поприветствовали фюрера, после этого он отправился с Евой Браун в свою комнату и закрыл дверь. Геббельс, Аксман, Хевель, Кемпке и я стояли в коридоре в ожидании. Прошло примерно 10 минут, которые показались вечностью. Тишину разорвал выстрел. Через несколько секунд Геббельс открыл дверь, и мы вошли в комнату. Фюрер выстрелил себе в рот и, кроме того, раскусил ампулу с ядом. Череп был разво- рочен и выглядел страшно. Ева Браун не воспользовалась своим пистолетом. Она приняла яд. Мы обвернули голову фюрера одеялом. Геббельс, Аксман и Кемпке вынесли труп вверх по лестнице в парк. Я взял тело Евы Браун. Никогда не подумал бы, что эта изящная женщина может быть такой тяжелой. Наверху, в парке, несколько шагов от входа в бункер, мы положили оба трупа рядом. Подальше мы не могли отойти – такой силы был обстрел. Поэтому нашли ближайшую воронку от снаряда. Затем я вместе с Кемпке полили тела бензином и бросили на них из входа в бункер горящую тряпку. Мгновенно оба трупа охватило пламя”². Этот рассказ о конце Гитлера совпадает с тем, о чем поведал мне Серов. К сожалению, напечатать интервью с ним так и не удалось. На его публикацию был наложен запрет в связи с тем, что Серов оказался в глубокой опале и даже был в 1965 г. исключен из партии. Его имя не должно было упоминаться в печати.

Запрет на публикацию интервью с Серовым было мелким эпизодом по сравнению с тем, что редакции пришлось испытать при изложении принципиально важных вопросов истории Великой Отечественной войны. Помню, сколько неприятностей редакции пришлось вынести за публикацию статьи об участии советских людей в движении Сопротивления во Франции и Италии. К нам пришла бумага из ЦК КПСС, в которой редакция обвинялась в “прославлении предателей Родины”, т.е. советских пленных, бежавших из немецких лагерей и боровшихся с оружием в руках против нацистских оккупантов во Франции и Италии. Многие из них были награждены высшими орденами этих стран, в том числе лично де Голлем. А по возвращении в Советский Союз их отправили на долгие годы в ГУЛАГ. Поскольку я вел статью, мне пришлось взять на себя ответственность за ее публикацию и отвести от редакции эти вздорные обвинения. Меня вызвали “на ковер” в Отдел партийного контроля ЦК КПСС и предложили написать объяснительную записку. Я обратился от имени редакции в ЦК французской и итальянской компартий с просьбой прислать нам имеющиеся у них сведения об упомянутых в статье лицах, и мы получили на них отличные характеристики. Из правительственных органов Франции и Италии пришли тоже блестящие отзывы. Такие же ответы редакция получила с мест работы, где эти герои трудились чернорабочими после отбытия “наказания” у себя на Родине. Но и это не удовлетворило работников ЦК. Они ссылались на приказ И.В. Сталина рассматривать всех советских военнотружущих, попавших в немецкий плен, как предателей Родины.

Эта изнурительная для меня и редакции история длилась около четырех месяцев, и я уже думал, что не “отмоюсь”, и рассчитывал на худшее. Какова же была наша радость, когда, открыв в один прекрасный день свежий номер “Правды”, мы увидели в ней указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 ноября 1965 г. о награждении

² *Junge T.* Bis zur letzten Stunde. Hitlers Sekretärin erzählt ihr Leben. München, 2003, S. 209–210.

Г.В. Шибанова, В.А. Оболенскую, И.И. Трояна, К.А. Радионова и других советских героев французского и итальянского движения Сопротивления орденом “Отечественной войны” и медалью “За боевые заслуги”. Правда восторжествовала! В редакции все мы ликовали. Кому же мы были обязаны этим? По всем признакам, инициатива исходила тогда явно из секретариата Н.С. Хрущева.

Стиль брежневского руководства я очень остро почувствовал в другой раз. Дело было так. В своей книге “Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР”, опубликованной издательством “Наука” в 1967 г., я упомянул тот факт, что с июня 1941 г. по февраль 1942 г. в немецкий плен попали три с половиной миллиона советских солдат и офицеров. Вскоре в редакцию из ЦК пришло письмо с отрезанной подписью, в котором говорилось, что эта цифра наших военнопленных – вопиющее извращение фактов, что я порочу советское командование и героизм наших войск и т.д. Снова меня вызвали в Отдел партийного контроля ЦК КПСС и снова предложили написать объяснение. Мои ссылки на немецкие документы, подтверждающие эту цифру, не были приняты во внимание. Я оказался в дурацком положении. И опять меня спасла газета “Правда”! В ней была опубликована статья главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко, в которой подтверждалось это число советских военнопленных. Оказывается, оно фигурировало еще в Нюрнберге на процессе над главными нацистскими преступниками. Как выяснилось, письмо в ЦК КПСС было подписано генералом армии П.И. Батовым.

Аналогичные удары сотрудникам редакции пришлось испытывать неоднократно. Особенно В.М. Кулишу и В.Д. Поликарпову, возглавлявших соответственно отдел критики и отдел истории Гражданской войны. Натиску “сверху” приходилось часто противостоять и ответственному секретарю редакции Я.Д. Зимину и редактору отдела Великой Отечественной войны В.М. Кравцову. Но главный редактор Н.Г. Павленко непоколебимо вел свой корабль. Обстановка для “Военно-исторического журнала”, как и для всех других органов печати, очень осложнилась после свержения Хрущева партийным кланом Брежнева – Суслова. На очищение социалистического строя и истории от сталинских извращений и преступлений было наложено вето. Новое руководство, само того не сознавая, вступило на ложный путь. Оно все больше подрывало доверие к партии и к ее пропаганде, теряло поддержку в массах, особенно в научных кругах. Рассудку вопреки ставка делалась лишь на принуждение и, как и в прошлом, на запугивание. “Никаких изменений в системе, в идеологии, в пропаганде, в трактовке истории!” – таково было требование сверху.

Дело доходило до абсурда. Например, редакция журнала запланировала опубликовать в 1965 г. отрывки из воспоминаний военных лет К.М. Симонова – советского писателя и поэта. Это было поручено мне. Константин Михайлович с радостью откликнулся на предложение редакции, предоставил мне возможность ознакомиться с его дневниками и выбрать из них нужное. Я несколько дней читал у него дома его летопись войны и выбрал из нее несколько отрывков для журнала. Каково же было наше разочарование и возмущение, когда начальник Главного политического управления Советской Армии генерал армии А.А. Епишев, слывший рьяным приверженцем и хранителем сталинского прошлого, наложил запрет на их публикацию. Уму непостижимо: по его приказу из всех военных библиотек были даже изъяты произведения Симонова, осмелившегося сказать правду об ошибках Сталина в войне, обернувшихся бедствием для народа и армии в 1941 г. Впоследствии с него было снято дурацкое “вето”, и его книга “Разные дни войны. Дневник писателя” была опубликована в 1977 г. издательством “Молодая гвардия”.

Невзирая на запрет публикаций из военных дневников К.М. Симонова журнал продолжал упорно отстаивать правду истории. Его главный редактор Н.Г. Павленко сыграл решающую роль в вызволении нашего выдающегося полководца, четырежды героя Советского Союза маршала Г.К. Жукова из плена забвения и политического ostrакизма, в которые он был ввергнут после войны при Сталине, Хрущеве и Брежневле вплоть до 1965 г. Как известно, Сталин сослал его в “ссылку”, назначив сначала командующим Одесским, а затем Уральским военным округом. Хрущев уволил его в

отставку и запретил какое-либо упоминание в СМИ об “этом Георгии Победоносце на белом коне”. При Брежневе эта линия в отношении Жукова была продолжена. Уж очень боялись советские правители его большого авторитета и популярности в народе.

И вот в 20-летнюю годовщину нашей победы над фашистской Германией перед редакцией журнала встал вопрос: кому поручить написать передовую статью к этой знаменательной дате? На редколлегии Н.Г. Павленко сделал предложение, повергшее всех в изумление и в восторг: поручить это Г.К. Жукову. Как, разве это возможно? Ведь его имя не должно было нигде появляться – ни в прессе, ни на телевидении, ни на совещаниях и заседаниях. Павленко настоял на своем. На его запрос Г.К. Жуков предложил для публикации главу из написанных им воспоминаний – о Берлинской битве.

Дальше последовала изнурительная процедура согласования этой публикации с ЦК КПСС и Главным политическим управлением Советской Армии и проталкивания ее в печать. Когда пришли гранки статьи, Н.Г. Павленко связался с секретариатом Епишева. Оттуда ему сообщили, что Главпур против публикации и что за нее Павленко будет нести “личную ответственность”. В этом же духе ответил секретариат тогдашнего главного советского идеолога М.А. Суслова. Ну и что же? Н.Г. Павленко взял на себя эту “личную ответственность” и подписал журнал со статьей Г.К. Жукова к печати. Прошли две недели после его выхода в свет. Вся редакция напряглась в ожидании: “Что будет?”. Но, к счастью, все обошлось без “оргвыводов”. “Наверху” пришлось смириться с публикацией. Трудно и рискованно было ее запретить, не войдя в историю мракобесом. Так была прорвана блокада забвения вокруг Г.К. Жукова. После этого его имя постепенно стало появляться в средствах массовой информации. Ему разрешили издать мемуары, правда, в весьма сокращенном и искаженном цензорами виде.

Роковую роль в судьбе журнала и моей лично сыграло следующее событие, переполнившее чашу терпения у руководства Главпура и ЦК КПСС. В феврале 1966 г. в Институте марксизма-ленинизма состоялось совещание историков и обществоведов, на котором рассматривался вопрос о начальном периоде Отечественной войны, в том числе о роли в нем Сталина. Поводом для этого обсуждения послужила книга А.М. Некрича “22 июня 1941 года”. От “Военно-исторического журнала” на совещании выступил наряду со мной полковник В.М. Кулиш, от Военно-научного управления Генштаба – полковник В.А. Анфилов. Был широко представлен гражданский сектор историков. Все выступавшие объективно оценили роль Сталина в событиях 1941 г. и возложили на него главную вину за тяжелые поражения и потери Красной Армии в этот период. Реакция “сверху” не заставила себя долго ждать. Некоторые из выступавших лишились партийных билетов, другие отделались выговорами и взысканиями. Это не прошло бесследно и для нашего журнала. В Главпуре отметили, что два его представителя в своих выступлениях критиковали сталинскую политику в 1941 г.

Стремление избавиться от сталинских извращений, отстаивание правды, необходимой как воздух для здорового развития социалистического общества, не говоря уже об исторической науке, закончились для нашей редакции очень плачевно. В 1968 г. по решению генерала армии А.А. Епишева научный состав “Военно-исторического журнала” во главе с главным редактором Н.Г. Павленко был уволен и полностью заменен новыми лицами. Неформальным предлогом для разгона редакции послужила констатация: “журнал слишком долго задержался на критике культа личности Сталина”.

На этом фоне весьма показательно выглядела реакция Начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза М.В. Захарова на меры Епишева против журнала. Он демонстративно выразил несогласие с демаршем начальника Главпура. Разве не поразительно, что в то же самое время сотрудники редакции были удостоены ценной награды – фотокамеры “Зоркий-4” с надписью: “В день 50-летия Советских Вооруженных сил от начальника Генерального штаба”. Было приятно сознавать, что мы были не одиноки в стремлении освободить нашу историю от наслоений неправды и лжи, которые ничего кроме вреда для нашей страны, ее общественного мнения и даже для власти не приносили.